

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 21.

1-го Ноября

1873 года.

Содержаніе. — Отличительный характеръ евангелія Іоанна. — О свободѣ христіанской. — Князь А. М. Курбскій. — Псалмы. — Извѣстіе. — Объявленія.

Отличительный характеръ

Евангелія Іоанна.

(Продолженіе).

Нѣтъ слова, что языкъ Іоанна въ исторіи евангельской письменности является столько же единственнымъ, какъ и самъ онъ и его твореніе, но, нужно замѣтить, что изученіе греческаго языка было не такъ недоступно для Іоанна, какъ это представляется на взглядъ отрицательной критики. Дѣло въ томъ, что евангелистъ Іоаннъ очень долго жилъ въ самомъ центрѣ греческаго образованія, именно въ Ефесѣ; при томъ онъ былъ епископомъ и не одной только ефесской, но въсѣхъ малоазійскихъ церквей, а потому натурально, что, занимая такой высокій постъ, да еще въ образованной сторонѣ, онъ по необходимости долженъ былъ изучить греческій

языкъ, чтобы говорить и писать на немъ, — такъ какъ этотъ послѣдній былъ здѣсь господствующимъ и общеупотребительнымъ языкомъ. Къ тому же греческій языкъ могъ быть извѣстнымъ Иоанну и раньше; ибо онъ и прежде «еще въ молодости находился въ обращеніи съ греками, а потому легко могъ научиться греческой рѣчи. И точно, если и въ настоящее время не рѣдки примѣры, что христіанскіе миссіонеры скоро и легко изучаютъ туземный языкъ той націи, въ средѣ которой они ведутъ дѣло распространенія христіанства, то почему же, спрашивается, изученіе греческаго языка для Иоанна представляется на взглядъ отрицательной критики дѣломъ невозможнымъ или по крайней мѣрѣ труднымъ? А главное: есть ли разумное и прочное основаніе утверждать, что писатель четвертаго евангелія мало того, что не есть апостолъ Иоаннъ, но даже вообще не еврей, а какой-то (и никому невѣдомый) христіанинъ изъ язычниковъ, только получившій хорошее греческое образованіе? Не есть ли такое предположеніе просто плодъ празной фантазіи, полной прямого противорѣчія даже простой исторіи и вѣковому убѣжденію цѣлаго христіанства? — Но обратимся къ самому языку четвертаго евангелія, чтобы видѣть эту мнимую основательность критики, въ силу которой она ставитъ свои возраженія. При знакомствѣ съ четвертымъ евангеліемъ мы находимъ, что греческая рѣчь его точнѣе не такъ обильна гебраизмами, какъ это мы находимъ въ остальныхъ евангеліяхъ, тѣмъ не менѣе рѣчь Иоанна явно носитъ на себѣ отбѣноки ето роднаго, еврейскаго языка. Конечно, трудно, да и едва ли возможно, съ точностію прослѣдить на сколько или какъ далеко еврейскій колоритъ входитъ въ эту равную, плавную греческую рѣчь евангелія, однако, по замѣчанію Евальда, смѣшеніе въ ней того и другаго элементовъ (т. е. еврейскаго и греческаго) повсюду легко обнаруживается, такъ что при всемъ томъ, говорить онъ, что Иоаннъ, имѣлъ себя совершенно изолированнымъ отъ тогдашняго іудейскаго общества, онъ все таки не колебался открыть своимъ читателямъ въ должномъ мѣстѣ свое еврейское происхожденіе и значеніе еврейскаго языка (117). И дѣйствительно въ евангеліи Иоанна мы встрѣчаемъ такіа имена, которыя въ греческой рѣчи или вовсе не употребляются, или же, если и употребляются, то за большую рѣдкость. Наприм. въ евангеліи Иоанна мы встрѣчаемъ употребленіе греко-еврейскихъ именъ, каково *Μεσσίας*. По замѣчанію Евальда, «*Μεσσίας*» Иоаннъ ввелъ въ первый разъ въ кругъ греческой рѣчи, а потому говоритъ онъ, евангелистъ счелъ нужнымъ прибавить къ этому слову даже особое объ-

117) Die Iohanneisch. schrif ubersetz u. relar ss. 10 и 46.

яснение его: «ο Χριστός».¹¹⁸⁾ Далее подобное же слово «Κηφᾶς», которому Иоаннъ тоже даетъ особое объяснение (Иоан. 1, 42); затѣмъ такое слово «Βυθροῦ» (5 г. 3 ст.), а потому, говоритъ Евальдъ, было бы очень легкомысленно думать и говорить что все это вздумалъ написать какой то неизвѣстный намъ греческій писатель изъ 2-го вѣка. Дѣло въ томъ, продолжаетъ онъ, что все эти еврейскія слова, какія употребляетъ въ своемъ твореніи Иоаннъ, ясно доказываютъ хорошее знаніе еврейскаго языка; ибо, послѣ его смерти они были уже потеряны христіанствомъ¹¹⁹⁾.

Такимъ образомъ, подлинность четвертаго евангелія, какъ творенія апостола Иоанна, и со стороны языка, на которомъ оно написано, не можетъ подлежать никакому сомнію, и мы, на основаніи приведенныхъ нами данныхъ и вѣковаго голоса вселенной церкви Христовой, имѣемъ полное правомочіе утверждать, что авторъ евангелія Иоанна есть тотъ самый, имя котораго оно по всей справедливости носить.

Другія возраженія, которыми отрицательная критика аргументируется въ доказательствѣ неподлинности четвертаго евангелія, касаются рѣчей и бесѣдъ Иисуса Христа, записанныхъ Иоанномъ. Если Христосъ, возражаетъ Ренанъ, имѣлъ обыкновеніе говорить «такъ, какъ извѣщаютъ объ этомъ синоптики, то значить Онъ не смогъ говорить такъ какъ передаетъ Иоаннъ: у тѣхъ Онъ говоритъ прилично, между тѣмъ какъ у Иоанна—мистически».¹²⁰⁾

Что Иисусъ Христосъ проповѣдывалъ различно—это фактъ неоспоримый. Мы имѣли случай замѣтить выше, что первые три евангелиста изложили, собственно говоря, только тѣ рѣчи І. Христа, которыя Онъ произнесъ въ средѣ простаго галилейскаго народа, тогда какъ Иоаннъ передаетъ тѣ, какія сказаны были Спасителемъ въ кругу образованныхъ иудеевъ, именно въ Иерусалимѣ, въ кругу книжниковъ и фарисеевъ, а потому естественнаго, что какъ содержаніе, такъ и изложеніе тѣхъ и другихъ должно быть по необходимости различно. Ибо далеко иное дѣло, говорить Люгардтъ, когда Иисусъ училъ въ окрестностяхъ Галилеи, среди народа забытаго иудейскими учителями и лишеннаго пастырей, когда возвѣщали ему Небесное Царствіе, условія для вступленія въ него, а также его

118) Ibid. s. 47.

119) Ibid.

120) См. выше выноску 46. точно также возражалъ еще Бретшнейдеръ см. выше выноску (15).

сущность и состояніе и наконецъ свое собственное состраданіе и милосердіе къ этому народу, и иное дѣло, когда Иисусъ, находясь въ кругу Іерусалимлянъ, въ кругу книжниковъ и фарисеевъ, доказывалъ ихъ невѣрію Свое одинаковое съ Отцемъ небосное происхожденіе и Божественное достоинство. Здѣсь рѣчь Господа становится по необходимости выше; ибо говоритъ Лютардтъ, давая свидѣтельство о Себѣ сынамъ, паходившимся во мракѣ невѣрія и невѣдѣнія, Онъ нарочито затруднялъ свою рѣчь, чѣмъ тамъ—въ Галилѣе, когда Онъ обращалъ ее къ престолу народу.¹²¹⁾

А такимъ образомъ естественно, что должны быть и два способа повѣствованія, изъ которыхъ первый заключается въ трехъ первыхъ евангеліяхъ, а послѣдній—въ евангеліи Іоанна.

Но кромѣ того, нужно замѣтить еще и то обстоятельство, что, предлагая возраженіе относительно рѣчей и бесѣдъ Іоанна, отрицательная критика съ одной стороны преувеличиваетъ ихъ анти-іудейскій, метафизическій характеръ, а съ другой слишкомъ усиливаетъ чрезмѣрно іудейскій характеръ рѣчей и бесѣдъ остальныхъ евангелій. Правда, въ воспроизведеніи рѣчей и бесѣдъ Іоаннова евангелія слѣдуетъ, конечно, допустить извѣстную долю участія его индивидуальности, тѣмъ не менѣе эти бесѣды и рѣчи вполнѣ оригинальны; ибо Іоаннь во многомъ даже до буквальной точности сходенъ съ тремя первыми евангеліями¹²²⁾ и въ рѣчахъ четвертаго евангелія слышится голосъ не Іоанна, но тотъ же голосъ Спасителя, который слышится нами и у раннихъ евангелистовъ. Слѣдовательно отнимать историчность у рѣчей Іоанна, а тѣмъ болѣе у бесѣдъ, имъ излагаемыхъ, какъ это силится между прочимъ дѣлать Рейссъ и утверждать, что онѣ выдуманы якобы Ефесскою школою (?)—не вѣрно даже исторически, такъ какъ евангеліе Іоанна первенствующей церкви было извѣстно гораздо раньше, а потому всякія выдумки, въ дѣлѣ воспроизведенія Іоанномъ рѣчей Иисуса Христа, допускаемая критикой, невозможны и немислимы, тѣмъ болѣе, что приточный складъ бесѣдъ евангелія Іоанна, какъ напримѣръ VI, 32; X, 6 м. XV, 1—6 прямо говоритъ прогивъ такого мнѣнія и слѣдовательно вполнѣ удерживаетъ за собою историчность.

Главнымъ образомъ утвержденіе Баура, будто рѣчи четвертаго евангелія не были исторически извѣстны автору этого послѣдняго,

121) См. De compositione Evang. Ioan. in Prolegomena.

122) Напр. Матѳ. 14, 27 и Іоан. 10, 15—6. 46; Матѳ. 28 18 и Іоан. 13, 3.

но вымышлены имъ «для объясненія идеи Логоса»¹²³⁾ тоже можно. Это утвержденіе имѣло бы смыслъ въ томъ случаѣ, если бы идея Логоса дѣйствительно была продуктомъ позднѣйшей спекулятивно-гностической точки зрѣнія, но мы показали выше, что принять это мнѣніе нѣтъ оснований. И если, по словамъ Еббарда, Иисусъ Христосъ былъ Сынъ Божій (что, конечно выше всякаго сомнѣнія), и выдавалъ Себя за Него всѣмъ апостоламъ, то естественно предположить, что Иисусъ Христосъ именно чрезъ тѣ слова и рѣчи, какія предпочтительно записаны Іоанномъ (хотя и не исключительно имъ однимъ) и долженъ былъ открытъ Себя какъ такой, т. е. Сынъ Божій¹²⁴⁾ Это видно изъ того наконецъ, что излагая рѣчи и бесѣды Господа, а также ученіе о Божествѣ Сына Человѣческаго, Іоаннъ нигдѣ не влагаеъ ихъ въ свои уста, что, по мнѣнію Еббарда, служить достаточнымъ основаніемъ того, что Іоаннъ передаетъ рѣчи Иисуса Христа вѣрно и безъ особой чрезмѣрной субъективной прикраски¹²⁵⁾

Но еще возражаетъ: какъ Іоаннъ могъ запомнить и такъ живо воспроизвести такіа длинная рѣчи Иисуса Христа?

Если взять во вниманіе личный характеръ апостола Іоанна, его необыкновенную способность наблюдать самыя, по видимому, даже незначительныя факты изъ жизни Иисуса Христа, а главное его живую, воспримчивую натуру, которая, по словамъ Еббарда, не просто только воспринимала все то, что говорилъ и дѣлалъ его любимый, незабвенный Учитель, но, подобно зеркалу, прямо отражало въ себѣ¹²⁶⁾, то естественнѣе всего сказать на оборотъ: могли ли не сохранить этихъ рѣчей такой даровитый, въ высшей степени ревностный и преданный ученикъ Христовъ, какимъ былъ Іоаннъ? Это представлялось бы болѣе страннымъ и непонятнымъ, если бы Іоаннъ, который болѣе всѣхъ учениковъ былъ привязанъ къ Иисусу Христу, болѣе всѣхъ любилъ и уважалъ Его, не сохранилъ бы намъ всего того, что мы видимъ и находимъ въ его евангелии. Но нужно замѣтить, что апостоль Іоаннъ былъ меланхолическаго темперамента,—человѣкъ мысли и любви, а такіа натуры, какъ извѣстно, навсегда остаются съ тѣмъ, что хотя бы однажды было или воспринято, и крѣпко, искренно и горячо привязываются къ тому, что составляетъ ихъ любимый предметъ. Поэтому за-

123) См. у Еббарда *ibid.* s. 1125-я.

124) *Ibid.* XXXI. *Evangelium in Iohann. Tract.* XXXI.

125) *Ibid.* XXXI. *Evangelium in Iohann. Tract.* XXXI.

126) См. *Real-Encyclopädie Herzog'a* s. 722 Sechster Band.

мѣчаніе одного изъ Учителей Церкви ¹²⁷⁾ «что Іоаннъ изложилъ то, чѣмъ онъ былъ успокоенъ, источаль ту воду жизни, которою онъ самъ былъ напитанъ» — въ высшей степенн характерно, и вполнѣ оправдываетъ тотъ психологическій законъ, по которому возможность такой записи рѣчей Іоанномъ находитъ себѣ даже естественное основаніе. Въ самомъ — дѣлѣ, если въ обыкновенной жизни перѣдки примѣры, что мы иногда во всей точности, даже спустя нѣсколько лѣтъ, живо воспоминаемъ бесѣды своихъ друзей и вообще близкихъ, уважаемыхъ нами людей или наконецъ воскрешаемъ въ своей памяти замѣчательныя рѣчи людей великихъ и почему бы — то ни было замѣчательныхъ, то почему представляется это невозможнымъ для евангелиста Іоанна, когда рѣчи его величайшаго Учителя были для него жизнью, въ которыхъ духъ апостола, по выраженію Лютардта, всецѣло жилъ и вращался? При томъ же, по вознесеніи Господа на небо, Іоаннъ не оставался въ бездѣйствіи. Живя въ единеніи съ Богородицею, которую Господь поручилъ ему, за нѣсколько часовъ до своей смерти, Іоаннъ, говоритъ Прессансе, зрѣлъ для будущаго, живя воспоминаніями о Своемъ небесномъ Другѣ и Господѣ; онъ созерцалъ Его покоящимся на лонѣ Отца, надобно тому, какъ и самъ возлежалъ на Его груди въ часъ любви, бывшей началомъ его скорбей» ¹²⁸⁾. А потому ничто не мѣшаетъ допустить, продолжаетъ Прессансе, что въ эти годы спокойствія и молчанія Іоаннъ, подобно другимъ ученикамъ, записалъ всѣ рѣчи и слова, Іисуса Христа, какія Духъ святой воскресилъ въ его памяти. Наконецъ, если намъ возразятъ, что одного даже напряженнаго воспоминанія недостаточно для такого точнаго и обстоятельнаго изложенія рѣчей, какое мы находимъ въ евангеліи Іоанна, то ничто не мѣшаетъ допустить и то предположеніе, что Іоаннъ, при написаніи своего евангелія, могъ пользоваться богатымъ сокровищемъ воспоминанія словъ Іисуса Христа, сохраненнымъ у другихъ евангелистовъ, чего отрицательная критика, конечно, не можетъ оспаривать.

Евальдъ нисколько не сомнѣвается въ такой возможности и смѣло утверждаетъ, что Іоаннъ безъ всякаго сомнѣнія пользовался ихъ повѣствованіями, какъ вѣрнымъ и самымъ лучшимъ источникомъ, какой только онъ могъ найти въ это время и который могъ служить ему прекраснымъ пособіемъ въ дѣлѣ оживленія и воспро-

127) Блаж. Августинъ in Іоан. Tract. XXXVI n. 1.

128) См. Іисусъ Христосъ и Его время — Прессансе въ русскомъ переводѣ.

изведенія словъ божественнаго Учителя¹²⁹). А потому, если не брать въ расчетъ да не особаго сверхъестественнаго озаренія, которое выше всякаго сомнѣнія вліяло на апостола, то возможнымъ представляется, что Іоаннъ могъ воспроизвести слова и рѣчи Иисуса Христа и по своимъ натуральнымъ даннымъ и возобновить ихъ съ такою живостію, какая только была ему доступна и возможна и какая запечатлѣлась въ его твореніи.

И такъ всё возраженія, какія только приводитъ отрицательная критика противъ подлинности четвертаго евангелія, на основаніи якобы внутреннихъ признаковъ этого послѣдняго, не доказываютъ того, что писатель этого евангелія не апостолъ Іоаннъ, а какой-то неизвѣстный другій. «Что писатель четвертаго евангелія дѣйствительно есть не иной кто, какъ апостолъ Іоаннъ, то этого, говоритъ Евальдъ, невозможно отрицать; ибо со всѣхъ сторонъ, куда только можно взглянуть, вездѣ представляются на это всѣ основанія, слѣды и признаки, а потому сомнѣнія (какое представляетъ собою отрицательная критика) не стоитъ даже серьезно и возвышанно»¹³⁰). Съ послѣднимъ мы вполне соглашаемся и больше ничего не остается сказать, какъ только закончить приведенными словами Евальда нашъ сильный разборъ тѣхъ возраженій критики, какими она силится подорвать подлинность разсматриваемаго нами евангелія.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію третьей характерной стороны евангелія Іоанна—полемиической.

III.

Не смотря на то, что апостолъ Іоаннъ, при написаніи евангелія, имѣлъ въ виду единственно изложеніе только непреложной истины открытіе объективной дѣйствительности богочеловѣческой жизни Иисуса Христа, однако, вынужденный къ тому духомъ и потребностями своего времени, пуждами церкви и всего христіанства, онъ по необходимости долженъ былъ такъ поставить свое твореніе, чтобы оно вполне отвѣчало всѣмъ современнымъ ему запросамъ. Намъ извѣстно, какими побужденія и руководила Іоаннъ при

129) См. Die Iohan schrift. s. 37. Такого мнѣнія держится и Лессингъ, который съ своей стороны утверждаетъ, что Іоаннъ зналъ и пользовался тремя первыми евангеліями см. у Schiekkopp'a.

130) Die Iohan. schrift. s. 42.

написаніи своего евангелія. Но свидѣтельству Иринея ¹³¹⁾ и другихъ отцевъ церкви, эти побужденія—современныя апостолу различные ереси, которыя, распространяясь болѣе и болѣе по всей малой Азіи, грозили большими бѣдствіями для спокойствія юной и еще не окрѣпшей церкви Христовой. А потому, пиша свое евангеліе, Іоаннъ, по словамъ св. Иринея имѣлъ въ виду противопоставить его всѣмъ тѣмъ разногласіямъ, какія возникли въ его время относительно лица Іисуса Христа ¹³²⁾.

Такое мнѣніе упоминаемаго отца церкви и вообще всей христіанской древности, что евангелистъ имѣлъ кромѣ главной своей цѣли еще и другую—пolemическую и что poleмическая черта составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ характеризующихъ особенность его евангелія, принимается за несомнѣнную истину и новѣйшими учеными. Такъ Фромманъ, на основаніи перваго посланія Іоанна, заключаетъ, что онъ написалъ свое евангеліе тому обществу, въ которомъ не вездѣ истинная вѣра въ Іисуса Христа и чрезъ свое евангеліе желалъ впушить ему ту вѣру, какую самъ онъ имѣлъ чрезъ созерцаніе воплощеннаго Слова ¹³³⁾. По его мнѣнію poleмика Іоаннова евангелія направляется главнымъ образомъ противъ сторонъ: докетизма и гностицизма; тоже принимаютъ и другіе нѣмецкіе ученые, какъ то: Бертольдъ, Землеръ, Ейкерманъ и проч. ¹³⁴⁾. Но тѣмъ не менѣе ограничивать poleмику Іоанна только противъ докетизма и гностицизма нѣтъ основаній, такъ какъ въ самомъ его евангеліи мы не находимъ указаній на систему этихъ заблужденій, на ихъ представителей, при томъ же евангелистъ не прямо нападаетъ на нихъ, а потому вѣрнѣе всего наибольшее мнѣніе, что Іоаннъ имѣлъ въ виду еретиковъ какъ своего, такъ и послѣдующаго времени ¹³⁵⁾. «Онъ имѣлъ въ виду, говоритъ Ебрардъ, очистить общество отъ глубокаго первоначальнаго оскверненія и осудить всплывшій гностицизмъ просто для того, чтобы въ противоположность гностическому, каррикатурному изображенію Іисуса

131) Adv. haer. 3, 16, 5.

132) См. Comment. Klee p. 13.

133) См. у Ebrard'a Wissenschaftl. kritik § 33 s 169.

134) За исключеніемъ Штрауса, Гюга, Ейхгорна, Шмидта и др. которые въ евангеліи Іоанна желаютъ видѣть poleмику противъ гностицизма 2-го в., но Тиршъ превосходно опонируетъ имъ, доказывая, что poleмика Іоанна направлена противъ перваго, акаго, демоническаго гностицизма. См. у Ebrarda ibid.

135) См. Klee Comment u. d. Evang. n. Joh. s. 22.

и принесеннаго Имъ спасенія, представить образъ человѣческаго Сына, какъ свѣтъ предъ глазами. ¹³⁶⁾

И дѣйствительно, защищая противъ разнузданнаго субъективизма и антиномизма первыхъ гностиковъ, — объективизмъ фактическаго вочеловѣченія Бога въ лицѣ Иисуса Христа, Иоаннъ, какъ можно видѣть изъ самаго его евангелія, косвенно обличалъ во 1-хъ тѣхъ, которые принимали за Мессію не Иисуса Христа, а Иоанна Крестителя; во 2-хъ тѣхъ, которые не имѣли твердой, живой увѣренности въ человѣческомъ ествѣ Сына Божія и наконецъ въ 3-хъ тѣхъ, которые не вѣрили въ Иисуса Христа, какъ Сына Божія.

(Окончаніе будетъ въ слѣд. №).

О СВОБОДѢ ХРИСТІАНСКОЙ

(изъ публичныхъ чтеній въ Ворон. Митрофановомъ монастырѣ).

Идѣже Духъ Господень, ту и свобода. 2 Кор 3, 17.

Всегда существовало, въ родѣ человѣческомъ, понятіе о нравственности, всегда это понятіе выражалось въ болѣе, или менѣе свойственныхъ ему формахъ, т. е. въ нравственно-религіозныхъ законахъ и въ добровольномъ исполненіи этихъ законовъ. Но всегда, вмѣстѣ съ этимъ, человѣчество сознавало несовершенство и выработанныхъ имъ нравственно-религіозныхъ законовъ и своихъ добродѣтелей, въ которыхъ осуществлялись эти законы. — Разумно-свободная природа челоѣка какъ будто не находила въ человѣческихъ законахъ нравственности и въ своихъ нравственныхъ подвигахъ того, что она видѣла въ самомъ понятіи о нравственности, и свобода сама какъ бы напрашивалась подчиниться совершеннѣйшему откровенному закону. Потребность Богооткровеннаго нравственнаго закона ощущалась, безъ сомнѣнія, и всѣмъ языческимъ міромъ; но особенно ясно сознавали и выражали ее лучшіе изъ язычниковъ — ихъ мудрецы. Такъ Сократъ говорить (у Платона:) «должно ожидать, что кто нибудь придетъ и наставитъ насъ, какъ мы должны

вести себя, въ отношеніи къ богамъ и людямъ; онъ же сказалъ своимъ ученикамъ—«не надѣйтесь исправить человѣческіе нравы, и коли самъ Богъ не пошлетъ особеннаго мужа, для озаренія васъ самихъ». Симплицій еще яснѣе высказываетъ необходимость открывеннаго—правственнаго закона, когда г. говоритъ: «должно у самого Бога учиться тому, какъ благоугождать Ему». Но странно, что чело-вѣчество, столь долго и искренно ожидавшее открывеннаго правственнаго закона, какъ будто ненашло, въ совершеннѣйшемъ законѣ Христовомъ, того, чего оно ожидало и ждало: свобода, и сама въ первомъ появленіи закона Христова, объявила себя противъ его строгихъ требованій и заповѣдей. Изъ Исторіи церкви извѣстно, съ какимъ ожесточеніемъ боролись съ христіанствомъ преслѣдовали его даже тѣ язычники, которые послѣ сами дѣлались ревностными послѣдователями Христа. Эта ожесточенная борьба язычества съ христіанствомъ, очевидно, есть ничто иное, какъ борьба естественной свободы за свою самостоятельность и она ясно доказываетъ нежеланіе свободы подчиниться строгимъ требованіямъ закона Христова. Ибо и послѣ,—въ христіанствѣ, какъ только свобода провозглашала свои права, она всегда становилась противъ закона Христова, и если неотвергала его совершенно, то, по меньшей мѣрѣ, всегда ослабляла его, по своему произволу,—исполняла только нѣкоторые изъ его заповѣдей:—въ церквахъ Лютера и Реформатскихъ не законъ Христовъ служить началомъ, и идеаломъ для свободы, а свобода незаконно стала началомъ для закона Христова. Нѣтъ со нѣнія, что эти факты доказываютъ видное несогласіе только свободы естественной съ закономъ Христовымъ и не относятся къ свободѣ христіанской, въ собственномъ смыслѣ: а истинная свобода возможна для челоѣка, по ученію св. писанія, только въ сферѣ благодатной христіанской жизни: и дѣла духъ Господень, ту свобода. Но несомнѣнно, съ другой стороны, что благодать есть только сила Божія, возраждающая свободную жизнь христіанская есть только стихія необходимая для развитія истинной свободы; а начало ея, или зародышъ, изъ котораго она развивается, все таки лежитъ въ самомъ разумно-свободномъ существѣ челоѣка,—въ свободѣ естественной. И это есть единственная причина, почему жизнь христіанина, возрожденная Духомъ Святымъ, имѣетъ свое нравственное значеніе и достоинство, и добродѣтели Евангельскія, совершаемыя христіаниномъ при содѣйствіи благодати Божіей, вѣнчаются ему, какъ дѣйствія совершенно свободныя. Въ догматѣ нравственнаго вѣнченія вопросъ,—какимъ образомъ христіанская свобода дѣйствій соединяется съ строгою подчиненностію ихъ закону,—имѣетъ, очевидно, весьма важное значеніе.

Понятіе «свободы христіанской» заключаетъ въ себѣ два частныя понятія, понятіе «свободы» вообще и понятіе «христіанской» или свободы возрожденной христіанствомъ. Слѣдов. законъ Христовъ, если онъ дѣйствительно не стѣсняетъ свободы дѣйствій христіанскихъ, — своими строгими требованіями, необходимо долженъ мириться съ этими обоими (существенными моментами) непосредственными понятіями, заключающимися въ понятіи христіанской свободы.

Что такое свобода по понятію здраваго разума, т. е., на какомъ началѣ основывается истинная свобода, въ чемъ она проявляется, и какая послѣдняя цѣль ея нравственныхъ стремленій? Давно уже миновались, въ исторіи философскаго развитія, тѣ времена, когда философы и моралисты признавали за начала свободы и нравственности-чувственныя понятія, удовольствія, пользы, счастья матеріальнаго и друг.

Новѣйшіе матеріалисты, которые возвратились, въ своемъ правоученіи, къ старымъ чувственнымъ началамъ не должны, на этотъ разъ, обращать на себя наше вниманіе; — философія ихъ только зараждается и начала новѣйшаго матеріализма далеко еще неуяснены для того, чтобы могли быть признаны за истинныя начала философскія, и дать своему ученію почетное мѣсто въ ряду прочихъ системъ философскихъ. Съ другой стороны, современные матеріалисты сами сознаются, что они не имѣютъ въ виду и немогутъ, по своимъ началамъ, — учить нравственности и религіи, а имѣютъ цѣль доказать только, научнымъ образомъ, свои матеріалистическія начала. Кантъ, — который, по общему всеѣхъ сознанию, положилъ начало новой блистательной эпохи въ исторіи философій, и котораго философія признана существенною ступенью, въ развитіи философскомъ, и началомъ новѣйшей философій, — первый основательно доказалъ, что начала чувственныя не могутъ быть признаны за начала свободы и нравственности. Начала эти лежатъ, очевидно не внутри, а внѣ нравственнаго — свободнаго существа челоука, и слѣдов. если бы свобода опредѣлялась ими, она дѣйствовала бы не-свободно, а необходимо или случайно. Кантъ изъ этого послѣдовательно заключаетъ, что начало свободы и нравственности лежитъ въ самой свободѣ же, или въ нравственномъ законѣ такъ называемаго практическаго разума, — признаетъ нравственную «автономію» т. е. самозаконіе. Само собою понятно, что если свобода имѣетъ единственнымъ началомъ своимъ присущій ей законъ нравственный, а это несомнѣнно; то она должна проявляться только въ осуществленіи тѣхъ нравственныхъ требованій, которыя составляютъ существо нравственнаго закона; и всякое дѣйствіе, несогла-

свое съ этими требованиями будетъ нарушеніемъ какъ нравственнаго закона, такъ и свободы вождественной съ пачь, — будетъ слѣдов. дѣйствіемъ не свободнымъ. Логическое единство нравственнаго закона и свободы, требуемое здравымъ разумомъ вполне оправдывается и фактами историческаго развитія свободы. Въ исторіи законъ и свобода идутъ рука объ руку — развиваются одновременно: дикіе народы неограничиваются никакими законами ни положительными, ни внутреннимъ нравственнымъ; потому что у нихъ начала нравственности, а слѣдовательно и законъ нравственный несколько еще неразвиты и скрываются только въ зародышѣ. Но при этой видимой широтѣ свободы, мы не замѣчаемъ въ ихъ дѣйствіяхъ и слѣда разумно — свободныхъ стремленій: жизнь ихъ почти ничѣмъ не отличается отъ жизни неразумныхъ животныхъ, — вся ихъ дѣятельность управляется одними животными инстинктами; во всѣхъ отношеніяхъ ихъ проявляется самый грубый — чувственный эгоизмъ: о правахъ и обязанностяхъ, о долгахъ и добродѣтели у дикаря и понятія нѣтъ; здѣсь очевидно, не свобода царствуетъ, а грубый чувственный произволъ, общій у человѣка со всѣми неразумными тварями. Проявленіе свободы и нравственности въ извѣстныхъ отношеніяхъ гражданскихъ и въ нѣкоторыхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ мы замѣчаемъ въ человѣчествѣ съ тѣхъ поръ, какъ возникаютъ въ исторіи — общества. Но общества, которыя составляютъ необходимое условіе для развитія человѣка, сами могутъ существовать только при законѣ: еслибы небыло въ обществѣ нравственныхъ и гражданскихъ законовъ, то тамъ царствовала бы такой же произволъ и эгоизмъ, какой мы видимъ между дикими, а слѣдовательно и общественная жизнь разторгалась бы этимъ произволомъ. Отсюда прямое заключеніе, что свобода возможна только подъ условіемъ существованія закона. Въ обществахъ достигающихъ высшей степени развитія, — (нравственнаго и гражданского,) — свобода и провозглашается и является, на самомъ дѣлѣ, господствующею. Но съ провозглашеніемъ торжества свободы въ обществахъ, законы тамъ не падаютъ и не теряютъ своей священной важности и обязательной силы; напротивъ, тамъ мы видимъ и законы вполне торжествующими надъ грубымъ своеволіемъ и частнымъ произволомъ членовъ общества; строгое исполненіе закона и всецѣлое подчиненіе имъ общества и есть отличительная черта обществъ развитыхъ граждански и нравственно, оно то — собственно и даетъ имъ и названіе обществъ развитыхъ, цивилизованныхъ; безъ существованія закона, какъ мы видимъ, не только развитое, но и какое общество — невозможно. Здѣсь, т. е. только въ развитыхъ обществахъ исполняется на дѣлѣ то положеніе, что «человѣкъ есть самъ себѣ законодатель», или та несомнѣнная истина св. писанія, что праведнику законъ не лежитъ, (Тим. 1, 9.) т. е. что частная свобода

каждаго члена общества, или внутренній нравственный законъ развивается до надлежащей своей полноты, — получаетъ такой же всеобщій характеръ, какой имѣетъ законъ положительный — вишній. Эти факты исторіи свидѣтельствующіе о нераздѣльности и внутреннемъ единствѣ закона и свободы очевидно вполне оправдываютъ практическое ученіе Канта и доказываютъ ту не сомнѣнную истину, что свобода проявляется и можетъ проявляться только въ исполненіи нравственнаго закона. Но нельзя согласиться съ Кантомъ и его послѣдователями въ томъ, что послѣдняя цѣль нравственныхъ стремленій свободы лежитъ въ самомъ нравственномъ законѣ, «что законъ нравственный исполняется человекомъ, ради самаго закона». Кромѣ того, что мысль эта у самаго Канта не имѣетъ для себя никакого основанія, она съ одной стороны явно ведетъ къ нравственному эгоизму; ибо одна безжизненная философская нравственность не обнимаетъ собою всей цѣлости духовныхъ проявленій и слѣдов. безъ грѣха нельзя жертвовать ей всѣмъ остальнымъ достоинствомъ разумно свободнаго духа; — съ другой — къ самоуправству, въ общественномъ отношеніи; нельзя думать, чтобы законъ нравственный во всѣхъ членахъ общества былъ развитъ одинаково совершенно и вполне и слѣд. въ тѣхъ личностяхъ, въ коихъ онъ недостаточно развитъ, несовершенство его необходимо должно обнаружиться произволомъ и самоуправствомъ. Но такія явленія, какъ эгоизмъ и самоуправство, едвали, по сознанію самыхъ ревностныхъ послѣдователей Канта, достойны нравственной природы человѣка; и въ опытѣ они встрѣчаются очень рѣдко, какъ ненормальныя и болѣзненные явленія въ человѣчествѣ; религія, науки и искусства, общественность, имѣющая въ основѣ своей любовь къ Богу и ближнимъ, — вотъ истинныя формы нравственно разумной жизни человѣческой, по общему всѣхъ сознанію.

Въ исторіи чело-вѣчества мы видимъ, что язычники руководившіеся естественнымъ — нравственнымъ закономъ, и безъ откровеній — при свѣтѣ одного своего разума, всегда сознавали его недостаточность и немощность; лучшіе изъ нихъ нерѣдко выражали ожиданіе совершеннѣйшаго — откровеннаго закона, который бы опредѣлялъ ихъ отношенія къ Богу и людямъ. Это сознаніе язычниками немощности естественнаго закона ясно доказываетъ, что нравственно — свободныя стремленія ихъ не останавливаются и не успокоиваются въ самомъ нравственномъ законѣ — что послѣдняя цѣль естественной свободы ихъ въ томъ благодатномъ законѣ, котораго они ожидали, и который долженъ привести ихъ къ Богу, или въ самомъ Богѣ. Постоянное стремленіе свободы къ Богу, какъ послѣдней своей цѣли и постоянное желаніе исполнить въ законѣ естественномъ законъ Божій и могло только дать нравствен-

нымъ дѣйствіямъ язычниковъ ту законность, о которой говоритъ Апостолъ Павелъ: *языцы немуща закона, естественномъ законная творятъ*. Если свобода не мирится, по видимому, съ закономъ Христовымъ на первый разъ, при самомъ появленіи христіанства и послѣ какъ мы видѣли; то здѣсь исполняется только законъ падшей испорченной природы человѣческой, по которому ей прилежитъ только хотѣти доброе, а еже дѣяти доброе у ней нѣтъ силъ. Но самое хотѣніе добра примѣчаемое въ естественномъ человѣкѣ, — стремленіе его въ совершеннѣйшему нравственному закону ясно доказываетъ, что свобода естественная не несетъ на себѣ противорѣчія закону Христову и имѣетъ возможность къ внутреннему соединенію съ нимъ; ибо только Христовъ законъ и самъ въ себѣ благъ, праведенъ и святъ и открываетъ — что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная.

Возможность, со стороны естественной свободы къ соединенію съ благодатнымъ закономъ Христовымъ, недѣлаетъ ее впрочемъ свободою христіанскою, — т. е. свобода естественная не можетъ, сама собою, развиться и перейти въ истинную христіанскую свободу. Въ понятіи свободы, какъ мы видѣли, лежитъ понятіе о законѣ нравственномъ, какъ о началѣ свободы, и свобода есть нечто иное, какъ выраженіе этого внутренняго начала; слѣд. и истинная свобода христіанская можетъ существовать только подъ условіемъ свойственнаго ей начала, т. е. закона Христова, — это опредѣляетъ самое понятіе «христіанской свободы: законъ бо духа жизни» Христъ Иисусъ свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго, говоритъ Апостолъ Павелъ. Если мы признаемъ, съ логическою необходимостію, — законъ Христовъ внутреннимъ началомъ свободы христіанской; то вопросъ, о соединеніи свободныхъ дѣйствій христіанскихъ съ строгою подчиненностію ихъ закону, рѣшается самъ собою: — свобода отъ грѣха, — или свобода въ сферѣ евангельской нравственной жизни, очевидно можетъ только проявляться въ непринужденномъ и строгомъ исполненіи евангельскихъ, — (добродѣтелей), — заповѣдей. Но вопросъ имѣетъ совершенно другой смыслъ и другія основанія. Современные наши рационалисты возражаютъ, что законъ Христовъ, неизмѣнностію и излишнею строгостію своихъ нравственныхъ правилъ стѣсняетъ свободу и препятствуетъ всякому развитію и прогрессивному движенію человѣчества; по ихъ понятіямъ, не свобода должна подчиняться закону Христову, а законъ долженъ развиваться и измѣняться, сообразно съ требованіями и духомъ времени и общества. Возраженіе стоитъ очевидно на томъ основаніи, что законъ Христовъ — есть начало совершенно высшее для свободы и стѣсняющее ее своими требованіями, несогласными съ разумными требованіями самой свободы. Въ этомъ не

разумномъ возраженіи вольнодумцевъ намъ слышится голосъ не за свободу, а зачувственность, за грубый матеріализмъ. Самые ревностные защитники свободы не будутъ, кажется, отрицать того, что истинная свобода можетъ проявляться только въ дѣйствіяхъ— нравственно—добрыхъ, и всякій грѣхъ,—всякое зло нравственное, совершаемое человѣкомъ, нарушаетъ свободу, стѣсняетъ ее. Такъ понимаетъ свободу самая философія, такъ, кажется, понимаютъ ее и самые наши гуманисты: намъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, что временные поборники разума и свободы, съ особеннымъ одушевленіемъ говорятъ теперь о высотѣ и святости нравственныхъ убѣжденій, о гуманности, о самопожертвованіи,—вообще о нравственномъ долгѣ и добродѣтели.

Если эти возгласы не одніи звучныя фразы, а высказываютъ дѣйствительныя требованія и стремленія разумно—свободной природы нхъ; то нельзя вѣрить рационалистамъ, что они искренно убѣждены въ томъ, что законъ Христовъ стѣсняетъ свободу человѣка, своими строгими требованіями. Законъ, какъ извѣстно, ограничиваетъ свободу только въ дурныхъ предпріятіяхъ, возбраняетъ ей творить грѣхъ (зло—нравственное); а для добрыхъ стремленій онъ такъ широкъ, что свобода, при самомъ полнѣйшемъ развитіи своемъ, о которомъ такъ заботятся наши гуманисты, едва ли въ состояніи наполнить его широту дѣйствительностію, т. е. своими добродѣтелями. Пророкъ Давидъ, который поучался закону Господню и заботился объ исполненіи его день и ночь, говоритъ о себѣ (Пс. 118 95) всякія кончины видѣхъ конецъ: широка заповѣдь Твоя зѣло; и хождахъ въ широтѣ яко заповѣди Твоя възскахъ. Ап. Павелъ, по свидѣтельству Духа Святаго, чаще всѣхъ потрудился въ исполненіи воли Божіей, но и онъ, по советственнымъ его словамъ, далеко еще не совершилъ всего того, что онъ долженъ былъ совершить по Закону Христову: *не зане уже достигохъ*, говоритъ онъ, *или совершихся; гоню же еще и постигну*. Впрочемъ, мы думаемъ, и кажется, основательно, что разумъ не долженъ и не можетъ возражать противъ истины тогда, когда за нее говоритъ сама очевидность и безчисленное множество несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ. Въ исторіи церкви мы видимъ цѣлыя сонмы христіанскихъ подвижниковъ, которыхъ вся жизнь представляется безпрерывнымъ рядомъ высокихъ евангельскихъ добродѣтелей, которые слѣд. примѣромъ жизни своей доказали, что заповѣди евангельскія тяжки не суть, что напротивъ—онѣ были для нихъ игомъ благимъ и бременемъ лѣгкимъ. Они опытно дознали и ясно высказывали, что свобода стѣсняется и поработачается не закономъ Христовымъ, а грѣховнымъ закономъ плоти, противоположающимъ закону ума, т. е. нравственнымъ стремленіямъ духа. Потому—то всѣ они,

подобно Ап. Павлу, выражали всегда пламенное желаніе освободиться отъ тѣла смерти и соединиться со Христомъ. — И благодатный законъ если не давалъ истиннымъ послѣдователямъ Христа силу — достигнуть конечной цѣли ихъ стремленій здѣсь на землѣ, а то давалъ полную возможность исполнять строгія заповѣди велнгельскія и воображать въ себѣ самаго Христа: *а еже живу, говоритъ Ап. Павелъ, живу не къ тому азъ, но живеть во мнѣ Христосъ*. А это, очевидно, есть начало и несомнѣнный залогъ того блаженнаго единенія съ Богомъ — источникомъ всякаго добра и блаженства, къ которымъ всегда стремилось и теперь стремится челоѣчество.

Въ заключеніе остается сказать: если а.) свобода естественная имѣетъ въ себѣ самой потребность совершеннѣйшаго нравственнаго закона и стремится къ нему, какъ началу истиннаго своего развитія, б.) благодатный законъ Христовъ — одинъ только — даетъ свободу, какъ совершеннѣйшую полноту нравственныхъ заповѣдей, такъ и силы для ихъ исполненія; то очевидно, что законъ Христовъ есть внутреннее начало свободныхъ дѣйствій христіанскихъ; слѣдов. свобода не стѣсняется его строгими нравственными требованіями а осуществляетъ ихъ, въ своихъ дѣйствіяхъ естественно, — съ внутреннею необходимостію.

Ключарь Свящ. *Г. Адамовъ*.

Князь А. М. Курбскій

и

ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ПОЛЬЗУ ПРАВОСЛАВІЯ *).

«Исторія есть наставница жизни», сказала римскій мудрецъ, Цицеронъ, почти за двѣ тысячи лѣтъ до настоящаго времени. Слова эти и теперь глубоко справедливы. Въ самомъ дѣлѣ: если бездушнымъ памятникамъ древности, — неподвижнымъ камнямъ, безобразнымъ развалинамъ и т. п., приписываютъ назидательное значеніе, высоко цѣнятъ и тщательно сохраняютъ ихъ отъ вліянія все разрушающаго времени; то не болѣе ли назидательности представ-

*) Статья эта написана по «Сказаніямъ князя Курбскаго», изданнымъ И. Устряловымъ (1870 г.).

ляетъ разнообразная дѣятельность разумныхъ личностей минувшаго, увѣковѣченная на скрижаляхъ исторіи? Жизнь и дѣятельность предковъ всегда заключаетъ въ себѣ много поучительнаго для потомковъ, какъ бы высоко развитыми ни считали себя эти послѣдніе. Высокія свойства и славныя дѣянія сошедшихъ уже въ могилу дѣятелей всегда могутъ и должны служить примѣромъ и вмѣстѣ побужденіемъ для дѣятельности живущихъ поколѣній; а пороки и ошибки первыхъ могутъ служить предостереженіемъ для послѣднихъ. Къ такимъ добрымъ и важнымъ послѣдствіямъ можетъ приводить изученіе исторіи какъ всеобщей, такъ и нашей отечественной. Я постараюсь хоть отчасти доказать это, изобразивши предъ почтеннѣйшимъ собраніемъ жизнь и дѣятельность одного изъ лучшихъ представителей русскаго общества XVI столѣтія, — князя А. М. Курбскаго, — преимущественно же его дѣятельность въ пользу православной церкви.

Жизнь Курбскаго можно раздѣлить на два главные періода: первый періодъ — жизнь его до бѣгства изъ Россіи; второй — жизнь въ Литвѣ послѣ бѣгства изъ отечества.

А. М. Курбскій родился около 1528 года. Онъ былъ знатнаго происхожденія: Родоначальникомъ его былъ Ѳеодоръ Ростиславичъ, князь Смоленскій и Ярославскій, происходившій отъ старшей отрасли рода Мономахова. Ближайшіе его предки всегда занимали на службѣ Московскаго царя самыя видныя и почетныя мѣста. Нѣкоторые изъ нихъ равно славились какъ воинскими подвигами, такъ и христіанскими добродѣтелями. Такъ, о благочестивой, подвижнической жизни Семена Ѳеодоровича Курбскаго, прославившагося покореніемъ Вогуличей при царѣ Іоаннѣ III съ уваженіемъ отозвался посѣтившій въ то время Россію ученый иностранецъ Герберштейнъ. Происхожденіе отъ такихъ предковъ много значило для А. М. Курбскаго: память о нихъ много содѣйствовала развитію въ немъ самоуваженія и возбуждала въ немъ стремленіе къ подражанію имъ, — стремленіе сдѣлаться достойнымъ потомкомъ знаменитыхъ предковъ... Условія тогдашней русскаго жизни не благоприятствовали научному развитію юношества. Школъ тогда не было въ сѣверной Руси и какія бы то ни было образовательныя средства были самыя ограниченныя. Жажущіе просвѣщенія принуждены были обращаться за нимъ къ такъ называемымъ начетчъ камъ, или мастерамъ, у которыхъ весь курсъ ученія состоялъ въ безсвязномъ усвоеніи самыхъ скудныхъ свѣдѣній. Но Курбскому въ этомъ отношеніи посчастливилось болѣе другихъ. Ему пришлось если не начинать то продолжать свое образованіе подъ руководствомъ знаменитаго Максима-Грека, много и самоотверженно потрудившагося

надъ исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ, и оказавшаго великія услуги русскому просвѣщенію. Подъ руководствомъ такого учителя Курбскій полно и основательно изучилъ св. Писаніе и творенія св. отцевъ и — что особенно важно — подъ вліяніемъ его воспиталъ въ себѣ любовь и живое стремленіе къ знанію, — стремленіе, которое онъ не переставалъ обнаруживать до самой своей смерти.

Большую часть жизни своей, все время пребыванія своего въ отечествѣ, Курбскій посвящалъ неутомимой дѣятельности на многотрудномъ поприщѣ государственной службѣ. Первымъ шагомъ его на этомъ поприщѣ было участіе его въ первомъ походѣ на Казань, принадлежавшую тогда Татарамъ и весьма опасную для русскаго государства. Здѣсь онъ уже достаточно обнаружилъ тотъ геройскій духъ, какой наследовалъ онъ отъ своихъ знаменитыхъ предковъ, такъ что вслѣдъ за тѣмъ его назначили на весьма важный постъ, — воеводою въ Пронскѣ. Далѣе идетъ рядъ блестящихъ воинскихъ подвиговъ Курбскаго. Онъ разбилъ подъ Тулою 30,000 Крымскихъ татаръ; при осадѣ Казани больше всѣхъ отличился и сильно пострадалъ, такъ что остался въ живыхъ, какъ онъ самъ выразился, «только по благодати Христовой». Въ трудной для Россіи войнѣ Ливонской Курбскій такъ же отличился мужествомъ и воинскимъ искусствомъ. Въ самыя критическія минуты для Россіи, когда храброе войско русское пришло, и когда оставалось или отказаться отъ Ливоніи, или принять самыя рѣшительныя мѣры къ покоренію ея, самъ царь Іоаннъ Грозный призываетъ къ себѣ Курбскаго и говоритъ ему: «принужденъ быхъ отъ прибѣгшихъ воеводъ або самъ идти сопровитъ Лифлянтовъ, або тебя, возлюбленнаго моего послати, да охрабрится наки воинство мое». И Курбскій блистательно оправдалъ возлагаемыя на него надежды. — Самоотверженные, блестящіе подвиги Курбскаго снискали ему полное благоволеніе и расположеніе къ нему государя. «Онъ, по выраженію Грознаго, какъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ слугъ царскихъ, былъ почтенъ славою, честію и богатствомъ». О благодати и довѣренности къ нему государя свидѣтельствуютъ между прочимъ слѣдующіе факты: когда Іоаннъ, оправившись отъ тяжелой болѣзни, предпринялъ путешествіе на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, Курбскій сопутствовалъ ему въ числѣ четырехъ самыхъ приближенныхъ къ государю лицъ. Въ бесѣдѣ съ Курбскимъ по поводу разстроившихъ дѣлъ во время войны Ливонской, Іоаннъ, какъ мы видѣли, такъ же выразилъ большую признательность къ нему: «принужденъ быхъ, — говорилъ царь, — тебя, возлюбленнаго моего послати».

Подвиги Курбскаго въ войнѣ Ливонской были послѣдними военными подвигами его въ пользу отечества. Послѣ того какъ въ Юаниѣ произошла несчастная переменѣна къ худшему, когда онъ сдѣлался жестокъ и подозрителенъ, когда онъ расположенъ былъ видѣть въ каждомъ изъ бояръ измѣнника и врага себѣ, когда многіе изъ высокопоставленныхъ подданныхъ его сложили головы свои на плахѣ,—тогда и Курбскому не безопасно стало продолжать службу у такого царя. Проигравъ сраженіе подъ Невлемъ (1563 г. г.) и узнавши, что Грозный царь изрекъ ему по этому случаю страшную угрозу, нашъ герой вынужденъ былъ, по чувству самохраненія, оставить свое отечество и перейти на службу къ польскому королю. Съ этого времени начинается второй періодъ жизни Курбскаго, въ которомъ онъ сумѣлъ быть полезнымъ своему отечеству и внѣ его.

Онъ былъ обласканъ польскимъ королемъ и получилъ отъ него въ даръ Ковельское имѣніе на Волынѣ. Но и здѣсь ожидала Курбскаго не спокойная и пріятная жизнь, а многомятежная скорбная. Ему приходилось часто входить въ ссоры и тяжбы съ паннами изъ—за своего имѣнія; къ этимъ безпокойствамъ присоединялась грусть по милому отечеству, которому онъ столь долгое время служилъ вѣрою и правдою, и которое вынужденъ былъ оставить по необходимости. Чтобы спасти отъ паденія свою репутацію въ покинутомъ имъ отечествѣ и нѣсколько оправдать свое бѣгство, Курбскій написалъ Грозному нѣсколько замѣчательныхъ посланій, въ которыхъ, указывая на свое самоотверженное и многополезное служеніе отечеству, поставлялъ царю на видъ его несправедливость по отношенію къ вѣрнымъ подданнымъ. Но эти посланія ни сколько не измѣнили образъ мыслей и настроеніе Грознаго: до Курбскаго постоянно доходили прискорбныя извѣстія о непрерывныхъ казняхъ въ Московскомъ государствѣ и о гибели невинныхъ слугъ государевыхъ, полезныхъ государственныхъ дѣятелей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л X X I I П С А Л О М Ъ.

О мнимомъ счастьи на землѣ нечестивыхъ и истинномъ благѣ праведныхъ.

Нѣтъ, блажь Господь къ Израилю,

Лишь будь къ Нему мысль чистымъ сердцемъ.

А я—то что? Едва было

Мои неуклонилась ноги,—

Стопы едва не поскользнулись, —
А я было поговорать
Ужь сталь на нечестивыхъ, видя,
Какъ хорошо имъ тутъ.

Что нѣтъ имъ в. жизни огорченій
Почти до смерти, отъ чего
И тѣломъ тутъ они такъ полны; —
Что въ человѣческихъ трудахъ
Шхъ нѣтъ и что они не страдаютъ
Съ другими наравнѣ
И вотъ отъ этого то гордость
Такая обложила ихъ
Какъ бы какое ожерелье,
И дерзость облакаетъ такъ,
Какъ возвышающій ихъ чѣмъ-то
Надъ прочими нарядъ.

Отъ тучности у нихъ почи
Такъ дерзко выдались въ передъ,
А въ сердцѣ, — тамъ какія бродятъ
Надменные мечты!

Какъ надъ боящимися Бога
И ихъ надеждой на Него
Они тутъ любятъ поглумиться,
А то еще и досадитъ
Имъ даже притѣсненьемъ!

А говорятъ-то, говорятъ
Все съ выскка, — съ такимъ надменьемъ,
Какъ бы какіе мудрецы;
Уста свои подъемлютъ дерзко
Противъ самихъ святыхъ небесъ
И безнаказанно всю землю
Проходить ихъ языкъ,

Такъ что и изъ Его народа,
Смотрю, ужь многіе теперь
Все больше, больше начинаютъ
Къ нимъ приставать и съ ними пить
Изъ одного потока

«Какъ», говорятъ, Богъ знаетъ все; —
Что Вышній будто бы всевѣдущъ?
А нечестивцы-то межъ тѣмъ
Все больше, видимъ, богатѣютъ,
Блаженствуютъ у насъ?

Такъ не напрасно ль очищаю
Ужь я и сердце для Него?

Ужь не напрасно ль омыаю,
Входя въ святилище Его,
Себѣ въ невинности и руки,
Коль только раны все терплю
И съ каждымъ утромъ пробуждаюсь
На тожь, что было и вчера, —
На новыя страданья?

И слушавшись такихъ рѣчей,
И я едва не поскользнулся.
Но какъ размыслилъ, Боже мой,
Что, если стать и мнѣ за ними
Такія жь рѣчи повторять,
Такъ вѣдь чрезъ это измѣнилъ бы
Я племени твоихъ сыновъ,
Ужь сталъ я въ это углубляться,
Чтобъ это объяснить. Но нѣтъ
Все это трудно мнѣ казалось,
Пока я не вошелъ въ Твои
Святилища, и тутъ внимая
Твоимъ угрозамъ всеѣмъ такимъ
Счастливымъ міра, не увидѣлъ,
Каковъ ихъ ждетъ конецъ.

Теперь ужь вижу что на скользкомъ
Ты ставишь мѣстѣ таковыхъ,
А тамъ, — придетъ пора ихъ, — разомъ
Однимъ ударомъ иногда
И низвергаешь въ пронасть.

Вѣдь какъ мгновенно-то они,
' въ самомъ дѣлѣ погибають!
Какъ часто исчезаютъ вдругъ
Огъ ужасовъ внезапныхъ!

Все ихъ тутъ счатье — тотъ-же сонъ.
Какъ сладкій сонъ, какъ сновидѣнье,
Едва проснешься, тутъ же все
Изъ глазъ-то нашихъ пропадаетъ;
Такъ часто, пробудивъ и ихъ,
Все, чѣмъ они бы ни наслаждались,
Чѣмъ въ жизни ни гордились, — власть,
Отъ всѣхъ почетъ, богатство, слава, —
Все это точно Ты, какъ сонъ,
Вдругъ обращаешь въ призракъ.

И такъ, все время, какъ во мнѣ
Отъ ропота кивило въ сердцѣ, —
Терзалась внутренность моя,

Чѣмъ былъ я предъ Тобой? Невѣждой,
Безсмысленнымъ скотомъ. Но что жъ?
А все,—какъ говорить мнѣ сердце,—
Таки былъ при Тебѣ,—всегда
Я чувствовалъ, что Ты все держишь
Какъ будто-бъ за руку меня
И, какъ отецъ дитя родное
Все водишь за собой, такъ Ты
Меня вотъ и до селъ водишь
По изволенію своему
И доведешь,—я въ томъ увѣренъ,—
До славнаго конца.

При этомъ что ужъ мнѣ и въ небѣ?
Коль Ты со мной, такъ ничего жъ
Теперь себѣ и нежелаю.
Такъ какъ—во мнѣ лишъ по Тебѣ
Томится плоть и сердце.

Одинъ Господь, звержу себѣ,—
Одинъ Господь,—моя тутъ крѣпость,—
Твердыня сердца моего,
И честь моя во вѣки.

Вотъ измѣнившіе Тебѣ,—
Смотрю я,—другъ за другомъ гибнуть;
Ты истребляешь всѣхъ такихъ,
Какъ нарушителей святаго
Завѣта своего, какъ бы
Какихъ нибудь прелюбодѣевъ.
А мнѣ куда жъ идти? Зачѣмъ?
Мнѣ благо быть близъ Бога.

На Господа и Іегову
Я возлагаю всѣ надежды
И буду проповѣдывать
Во весь свой вѣкъ, неумолкая,
Всѣ дивныя Твои дѣла
У вратъ святыхъ Сіона.

ИЗВѢСТІЕ.

ЧТО МОЖНО СДѢЛАТЬ ПРОТИВЪ ХОЛЕРЫ?

Недавно вышелъ переводъ небольшого труда озаглавленный такъ:
«Что можно сдѣлать противъ холеры?» Это—«наставленіе о пре-
дохранительныхъ мѣрахъ противъ холеры», написанное извѣстнымъ
гигиенистомъ по холерному вопросу, мюнхенскимъ профессоромъ Не-

тепкоферомъ, совѣты котораго заслуживаютъ полнаго уваженія и довѣрія.

Такъ какъ заболѣвшіе холерой и болѣе или менѣе частыя ея появленія, по мнѣнію Петенкофера, зависятъ существенно отъ одновременнаго и совмѣстнаго дѣйствія нѣсколькихъ, преимущественно трехъ факторовъ: сношенія людей, мѣстныхъ и временныхъ условій и индивидуальнаго предрасположенія чловѣка, «то всякое дѣйствіе для пресѣченія холеры должно быть непременно основано на одномъ изъ этихъ трехъ факторовъ». Ограничивать сношенія людей, понятно, невозможно, и, съ другой стороны, этому фактору авторъ не придаетъ такого значенія, какое ему придавали другіе, но особенное вниманіе слѣдуетъ обращать на «разносителей холеры», какъ, напримѣръ, на грязное бѣлье, замарапанное, влажное лежавшее долгое время въ мѣстности гдѣ свирѣпствовала холера, на сырыя, богатая водой и слизистыя, пищевыя вещества, уплотняющія на своей поверхности заразное вещество, на другіе подобныя предметы и, наконецъ, на экскременты; такъ какъ небрежное обращеніе съ экскрементами имѣетъ вредное вліяніе на мѣстныя и индивидуальныя предрасположенія для развитія холеры», а «потому нельзя останавливаться на одной только дезинфекціи экскрементовъ холерныхъ больныхъ, но нужно подумать, болѣе чѣмъ это дѣлалось до настоящаго времени, и обо всемъ что происходитъ отъ пораженныхъ холерою мѣстностей» и пр. Потомъ извѣстно, что при холерѣ важную роль играютъ поносы, и что если люди, заболѣвшіе поносомъ, тотчасъ же лягутъ въ постель и обратятся къ медицинской помощи, то они почти никогда не заболѣваютъ холерой (т. е. поносъ не переходитъ въ холеру). Поэтому, новая предохранительная мѣра — не употреблять въ пищу веществъ, раздражающихъ кишечный каналъ. Но чловѣкъ и въ холерное время долженъ ѣсть, по справедливому замѣчанію автора. Въ виду многочисленныхъ наблюденій, онъ совѣтуетъ употреблять пищу питательную и въ достаточномъ количествѣ. Что же касается несостоятельнаго класса людей, то для него весьма важны заведенія, въ которыхъ за возможно низкую цѣну можно получить здоровую и въ достаточномъ количествѣ пищу. На это особенно, по нашему мнѣнію, должно быть обращено вниманіе нашихъ благотворительныхъ обществъ. Сверхъ того, слѣдуетъ заботиться серъ-

езно очистотѣ воды назначаемой для питья, о чистотѣ воздуха почвы. Уходъ за кожей составляетъ очень важный моментъ въ дѣлѣ предохраненія отъ холеры. Въ этомъ отношеніи авторъ обращаетъ вниманіе на бани, одежду, постель и пр.

Переходя въ разсмотрѣнію вопроса о дезинфекціи, авторъ советуетъ очищеніе и дезинфекцію всего, что выходитъ изъ зараженныхъ мѣстъ, холерныхъ домовъ и помещеній; полотняныя и бумажныя вещи слѣдуетъ класть въ свѣжей горячій щелокъ, шерстяныя вещи, сукно, конскій волосъ, пухъ и перья, варить въ водѣ или подвергать дѣйствію сѣрныхъ паровъ, малоцѣнные предметы, напримѣръ, хлѣбъ, солому и т. п. сжигать, мясо, колбасы, молоко и другія пищевыя вещества, особенно слизистыя, и пр., тщательно вымывать въ водѣ и хорошенько прокипятить прѣзъ употребленіемъ ихъ въ пищу, и, наконецъ, отхожія мѣста и ямы дезинфицировать желѣзнымъ купоросомъ съ примѣсью не большаго количества карболовой кислоты. Но нужно дезинфицировать эти мѣста не слегка, а до тѣхъ поръ пока содержимое этихъ мѣстъ не лучить кислой реакціи т. е. пока при опусканіи въ содержимое синей лакусовой бумажки, она приметъ красный цвѣтъ. Несовѣренная же дезинфекція есть бесполезная трата денегъ. Правительство не только имѣетъ право рекомендовать дезинфекцію компаниямъ желѣзныхъ дорогъ, держателямъ различныхъ заведеній, «имѣетъ полнѣйшее право принуждать къ тому». Чтобы дезинфицировать длинныя трубы отхожихъ мѣстъ, лежащія въ землѣ, чаще всего сжигать сѣру въ большихъ количествахъ, причѣмъ рвущаяся сѣристая кислота проходитъ всюду; авторъ советуетъ назначить опытныхъ специалистовъ, которые завѣдывали бы дѣломъ дезинфекціи.

Вообще, это наставленіе отличается практичностью и обстоятельностью, затрогиваетъ серьезно вѣкоторыя бытовыя стороны общества и предлагаетъ многія дѣйствительныя мѣры къ предохраненію и пресѣченію холеры. Въвиду продолжающейся эпидемической холеры, нельзя не обратить на него вниманія общества, хотя на момѣнтъ дѣлѣ многія изъ рекомендуемыхъ авторомъ средствъ, должны бы быть принимаемы гораздо раньше, до появленія эпидеміи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Отъ Липецкаго городского Общественнаго Банка.

Правленіе Липецкаго городского Общественнаго Банка, имѣетъ честь двести до всеобщаго свѣдѣнія, что съ 1-го января 1874 года, Банкъ будетъ платить проценты, на поступившіе вновь вклады впредь до измѣненія

п о в л а д а м ъ:

а.) На безсрочное время (т. е. до востреб.)	5 1/2 к.
б.) Срочные на 1 и 2 года	6 к.
в.) — 3, 4, 5 и 6 лѣтъ	6 1/2 к.
г.) — 7, 8, 9, 10, 11 и 12 лѣтъ	7 к.
д.) и На вѣчное время	7 1/2 к.

Отъ Козловскаго городского Общественнаго Банка.

Правленіе Козловскаго городского Общественнаго Банка, имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что съ 1-го числа ноября 1873 года, впредь до измѣненія Банкъ будетъ платить на вновь поступающіе вклады безсрочные (до востребованія) 5% годовыхъ

— — — срочные на 1 г. дѣ.	6% —
— — — — 2 и на 3 года	6 1/2% —
— — — — отъ 4 до 12 лѣтъ	7% —
и — — — на вѣчное время	7 1/2% —

Отъ Задонскаго городского Общественнаго Банка.

Правленіе Задонскаго Банка имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что на имѣющія поступить съ 1 го ноября сего года вклады, Банкъ будетъ платить проценты на рубль въ годъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

На вклады безсрочные т. е. до востребованія	5 1/2 %
— — — срочные на 1 и 2 года	6 1/2 %
— — — — — отъ 3-хъ до 12 лѣтъ	7 %
и на вѣчное время	7 1/2 %

Вклады Банкъ принимаетъ изъ всѣхъ мѣстностей отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей, церквей городскихъ и сельскихъ акціонерныхъ обществъ. Вклады принимаются отъ вкладчиковъ лично и чрезъ почту. Вклады возвращаются и проценты на нихъ выдаются безъ замедленія. Вклады изъ процентовъ принимаются не менѣе 50 р., на вклады билеты выдаются согласно желанію вкладчиковъ: именныя и безыменныя. Именные билеты выдаются на всякую сумму, а безыменныя не менѣе какъ на 300 р

Пожертвованія въ Вор. Епарх. ж. Училище:

Отъ настоятеля Лехвина добраго монастыря архимандрита Іосифа прислано для бібліотеки училища 3 экз книги, подъ заглавіемъ „Простонародныя поученія“.

Редакторы: { Прот. Ѳ. Никоновъ.
Свящ. І. Адамовъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. Н. Волковъ, и свящ. П. Палицынъ.
Ноября 1-го дня 1873 года.

Воронежъ. Въ типографіи Н. Д. Гольдштейной.